

ИНТЕРВЬЮ С ЗЕНИТЧИКОМ ГЮНТЕРОМ ФОГЕЛЕМ (GÜNTHER VOGEL)

Что предшествовало Вашему появлению на свет в Германии?

Моя мать и мой отец познакомились в 1920-х в офисе одной из газет, выходивших в Буэнос-Айресе. Моя мать была беременной мною, когда они сели на пароход, отправлявшийся в Англию, - страну, которую они очень любили, - для того, чтобы я родился в ней. Но на их пути были сильные шторма в Бискайском заливе, и, когда я вот-вот должен был родиться, они сошли на берег в Шербуре и оттуда отправились в Берлин, где я и появился на свет 17 июня 1928 года.

Где Вы жили в Германии?

В Шарлоттенбурге (*район Берлина, расположенный неподалеку от центра*), потом, с 1939-го по 1943-й, в Потсдаме, где я был кадетом военного училища.

Были ли у Вас братья и сестры?

Единоутробные сестра и два брата, и родная сестра, которую звали *Ruth Judith*, чье имя, которое имело еврейское звучание, вызвало подозрения у нацистов. Мой отец развеял эти подозрения, став членом *Партии*, что также позволило ему найти себе работу в Германии, не сталкиваясь с препятствиями.



Одиннадцатилетние немецкие мальчики учатся стрелять

Были ли Вы членом *Гитлерюгенда*?

Каждый немецкий мальчик по достижении 10-летнего возраста должен был вступить в *Гитлерюгенд*, девочки записывались туда позднее. [Связанные с этой организацией] занятия, в основном, сходные с тем, что было в программе у бойскаутов, проводились во второй половине дня по четвергам. Там не было ничего, связанного с проявлениями жестокости, политическое влияние на нас было минимальным, если не считать того, что мы носили свастику на черной/коричневой униформе, которую мы надевали на себя в тот день. Больше всего мы любили петь, маршируя. До 14 лет мы именовались

Юнгфольк/Youngvolk. Никаких изменений в программе наших занятий и мероприятий не было до того, как мы переходили в *Гитлерюгенд*, от чего я был избавлен, потому что попал в училище.

Я слышал, что мой отец мог говорить на девяти языках, в связи с чем, по всей вероятности, он проводил большую часть времени вне дома, являясь представителем германского правительства по сельскохозяйственным и промышленным вопросам. Английский был моим любимым предметом в средней школе, и к 14 годам я уже прочитал книгу [Лоуренса Аравийского](#) *The Seven Pillars of Wisdom*, удивляясь тому, что немцы были показаны в ней плохими парнями...

В школьных театральных постановках я всегда играл британских офицеров, само собой, на стороне проигравших. Мой любимый учитель [в прошлом] преподавал в Лондоне немецкий язык, и моим любимым способом общения с ним было использование [кокни](#). У нас были студенты по обмену из Великобритании и Финляндии. Позднее мы горевали по поводу каждого налета бомбардировщиков *Люфтваффе* на страну, которой мы так восхищались. Бомбардировка Ковентри (14-15 ноября 1940 года) была для нас днем печали.

Насколько я понял, смерть Вашего отца в чем-то осталась тайной. Можете ли Вы рассказать, при каких обстоятельствах это произошло?

Это было что-то, окутанное тайной. Дело было в 1943-м. Мы [наша семья] собрались, чтобы проститься с ним. Нам так и не сказали, как и при каких обстоятельствах он погиб. Однако его последний адрес, так уж совпало, был в том месте, где сразу за окраиной Берлина находился концлагерь. Я не помню, как он назывался (*Примечание: это был [Заксенхаузен](#), расположенный в Ориненбурге, пригороде Берлина*). Нам сказали, что он умер не в концлагере, а в госпитале, находившемся рядом. Так что, это все, что мы знали. Нам не разрешили увидеть его в открытом гробу. Я был еще ребенком и даже не понимал, что это значит...

Когда Вы поступили на службу в Люфтваффе?

После смерти моего отца в 1943-м его брат, Хельмут, прислушался к моим жалобам на чрезмерно суровую военную дисциплину в Потсдамском военном училище. Он нашел похожее, но куда более привлекательное училище, расположенное в оккупированной части Польши, куда меня приняли в конце 1943 года.

В феврале 1943 года туда прибыл с визитом рекрутер *Люфтваффе* с приказом зачислить на службу всех 15-16-летних ребят. Большинство из нас отвезли в Шлезвиг-Гольштейн, на самый север Германии, в учебный лагерь *Люфтваффе*, где меня стали обучать в качестве артиллериста в расчете 20-мм легкой зенитной установки.

Как получилось, что Вас отобрали для службы в расчете 20-миллиметровки?

Потому что я хорошо стрелял из винтовки калибра .22. Это стоило любой рекомендации.

Сколько времени заняло обучение?

Нас зачислили в феврале 1944-го. Выпуск пришелся, просто так совпало, на [День Д/D-Day](#) (6 июня 1944 года), и мы, дети, не знали о происходившем тогда, поскольку были заняты тем, что устанавливали свою пушку в месте под названием Нойграбен-Фишбек/Neugraben-Fischbek в долине реки Эльбы к югу от Бланкенезе/Blankenese (пригород Гамбурга).



Гюнтер Фогель и другие кадеты на утреннем построении в Потсдамском военном училище

В каких частях Вы служили?

Нам, пацанам, никогда не называли номера или обозначения частей, в которых мы служили. В части ПВО набирали учеников старших классов, потом их разделяли по специализации: операторы радаров, связисты, артиллеристы. Я по специальности был наводчиком 20-мм пушки образца 1937 года, и в этом качестве я мог получить назначение в различные батареи, оснащенные 88-мм зенитками. Наш учебный лагерь назывался *Büsum*, находился он в Шлезвиг-Гольштейне.

То есть, Вас из части, вооруженной 20-миллиметровками, перевели в батарею 88-миллиметровок?

Да, дело было в августе 1944-го. Мы попали в *Мустанг/Mustang* и повредили его.



Как это произошло?

Это случилось 4 августа 1944 года. Я находился в Гамбурге во время нескольких крупных авианалетов, но дальность стрельбы 20-миллиметровки была ограниченной. Было решено, что эти пушки лучше использовать для защиты с воздуха аэродрома, расположенного близ Ганновера, так что мы переместились в окрестности деревни Баррль/Barrl. Прибыли мы туда 2 августа. 4-го мы крутились вокруг нашей пушки, делая вид, что ведем огонь по самолетам. Там были учебные машины – немецкие *Фокке-Вульфы/Focke-Wulf*. Мы целились по ним, когда они шли на посадку, крича *так-так-так*, подражая звуку стреляющей пушки. Нас было пятеро. Я сидел на сидении [наводчика], играя в стрельбу по мифическим воздушным целям, когда неожиданно до нас донесся грохот пушечного огня и взрыва. Прошло всего полторы секунды, мой товарищ помог мне повернуть пушку, и я выстрелил на звук самолета, подлетающего к нам с направления *три часа* [с востока]. Все учебные самолеты поднимались в воздух в западном направлении и оттуда же шли на посадку, а тот *Мустанг* приблизился с *трех часов* и летел над небольшим перелеском, находившемся рядом с нашей позицией. Я сумел повернуть пушку и направить ствол в его сторону, когда он уходил на запад прямо над нами. Он вел огонь из своих пулеметов – его очереди строчили по песку, как в кино, слева и справа от нас. Никого не зацепило. Я заметил, что один из моих снарядов отсек кусок его правого крыла, после чего он взмыл вверх и исчез...

Командир аэродрома позднее поздравил нас, и нам сообщили, что мы сбили тот самолет. Нас, весь расчет, продвинули по службе и послали в другие зенитные батареи. После короткого отпуска мы получили железнодорожные билеты и приказы с назначением в различные батареи *Люфтваффе*, разбросанные по всей стране. Моя новая часть находилась в месте под названием Одертааль-Блеххаммер/Odertal-Blechhammer, в Верхней Силезии, входившей в то время в Польский Протекторат. Однако там не было легких зениток, так что я прошел переподготовку для службы в расчете 88-миллиметровки на позиции, называвшейся *lateral gunner*. Она стояла в деревне под названием Мечнице (?)/Mecznica недалеко от завода по производству [синтетической] нефти.

[В районе Блеххаммера, неподалеку от Каттовитц (ныне Катовице) и Бреслау (ныне Вроцлав) находились предприятия химической промышленности Рейха, концлагеря для военнопленных и иностранных рабочих. Завод по производству синтетической нефти был запущен 1 апреля 1944 года. В июне 1944 года 15-я Воздушная Армия ВВС США, действовавшая с аэродромов в Италии, сбросила на Блеххаммер 7 082 тонн бомб.]

На ранней стадии советского наступления января-февраля 1945 года мне выдали двуствольный пулемет *Шкода/Skoda* образца 1918 года, пролежавший в деревянном ящике 25 лет и все еще пахнувший заводской смазкой. Через неделю я понял, что для того, чтобы управляться с этой двустволкой нужны, по меньшей мере, три руки. Эта третья рука была предоставлена седовласым лейтенантом, который в 1915 году служил в австрийской армии в чине майора.

Мы сражались с ним бок о бок долгими февральскими ночами 1945 года, пока всех подростков не вывели с передовой в соответствии с неожиданным приказом [Германа Геринга](#), который был отдан, когда стало известно, что *Советы* расстреливают всех не достигших призывного возраста и захваченных с оружием в руках военнопленных, как партизан (в оригинальном тексте - *franc tireur*), не защищенных [Гаагской Конвенцией](#). Мне тогда оставалось четыре месяца до достижения призывного возраста.



*Гюнтер Фогель с товарищами в Потсдамском военном училище. Идет
стройподготовка*

Что еще вспоминается Вам о том времени, когда вы находились в боевой части?

Я был на боевом посту в расчете 88-миллиметровки во время налета американской авиации на промышленные объекты 22 августа 1944 года. Подходы к ним со стороны Италии защищали десятки батарей 88-мм, 105-мм и 128-мм орудий, и один *B-24* упал рядом с нашей батареей. Мы все, молодые парни, вызвались присутствовать на похоронах экипажа, и мне была предоставлена честь отсалютовать погибшим американским летчикам 24 августа.

Вы сказали о том, что Ваша позиция называлась *lateral gunner*. Что это означало?

Я так и не нашел подходящий термин для нее, но так называли человека, который поворачивал пушку влево-вправо вручную. 88-миллиметровка – тяжелое орудие. Мне тогда было 16, так что мне приходилось нелегко, когда нужно было повернуть эту чертову железяку. Это помощник наводчика, поворачивающий пушку в горизонтальной плоскости вместе с парнем, который наводит ее в вертикальной плоскости. Обычно мое место в расчете принадлежало большому и сильному парню, ну а я таким не был. Я с этой задачей справлялся плохо, облегчающего задачу механизма не было.

Я был 2-м номером в расчете, думаю, тот, кто наводил орудие в вертикальной плоскости, был 3-м номером, а 1-м номером был заряжающий. Азимут, по которому надо было наводить, передавали с командного поста. У нас был большой циферблат, похожий на настенные часы, с помощью которого мы получали команды. Ты должен был следовать им с помощью маленькой ручки на циферблате, которая двигалась от числа к числу, соответствующему горизонтальному направлению. Я должен был следовать командам, которые поступали к нам. Другими словами, я должен был следовать индикатору, который находился на уровне глаз, поворачивая орудие влево-вправо.

Сколько всего человек было в расчете 88-миллиметровки?

Одиннадцать. Один или два из них были военнопленными, которым можно было доверять, советские солдаты. Они попали в плен на Украине, многие из них были настроены антикоммунистически и приняты на службы в качестве *хиви/хи́ви* (*Hilfswillige* – добровольные помощники). Они подносили снаряды, у нас был, по меньшей мере, один такой. Им предоставлялась кое-какая свобода, им доверяли...

88-миллиметровка была довольно скорострельной, что держало расчет в большом напряжении, не так ли?

Говорили, что она производила один выстрел 10 секунд, но я не вполне уверен в этом по той простой причине, что стоило сделать первый выстрел, и ты уже глухой. Там также было очень дымно [сильное задымление было связано с применением ускорителя в конструкции снаряда], но через какое-то время дым рассеивался. Нам говорили, что это были специальные боеприпасы. Противогазовых масок у нас не было, не было у нас и ничего такого, что могло помочь защитить наши уши.



Подростки из Гитлерюгенда получают обмундирование в одной из частей Люфтваффе

88-миллиметровки разворачивались для батарейной стрельбы. Сколько всего орудий было в батарее?

Не помню, сколько у нас было орудий - шесть или девять. Может, у нас их было и двенадцать. Я был в расчете *Доры Два/Dora Two*. Каждое орудие имело свое имя. Их расставляли по кругу, так что мы были защищены от вражеского огня или налетов со всех направлений, но основное направление для нашего орудия было между тремя и шестью часами: вражеские самолеты приходили с юга. Думаю, первые налеты с аэродромов в Италии начались в июле 1944 года, а я прибыл на батарею не раньше августа. После этого мы постоянно подвергались авианалетам, вероятно, по меньшей мере, раз в неделю.



Зенитчики Люфтваффе бегут к своим орудиям

Вы сами могли разглядеть группы вражеских самолетов?

Они подходили на довольно большой высоте. Но нам и не полагалось видеть их, потому что наши глаза были на циферблатах приборов и на индикаторах. Наши взгляды были прикованы к ним, так что ты и не мог глазеть в небо и высматривать, откуда они идут. Большая часть атак приходила с юга, ну а потом мы вели их. Наша позиция была у подножия гор [Судеты, близ Чешско-Германской границы]. Блеххаммер был смертельной ловушкой для американских бомбардировщиков, потому что им противостояли буквально сотни пушек, десятки и десятки батарей, расположенных вдоль всего горного хребта. Мы знали, что им не до нас и что мы были, вероятно, где-то в трех-четыре мили от их целей. Нас они ни разу не бомбили.

Будучи членом расчета, чувствовали ли Вы, что от Вас что-то зависит?

Нет, такого ни разу не было. В этом возрасте у тебя жизненная позиция бойскаута, будто это все делается для тебя. Для многих из нас это было игрой, но все это до того момента, пока тебя не зацепил осколок. Это произошло тогда, когда американские бомбардировщики прекратили свои налеты, и мы попали под огонь русских минометов.

Американские рейды прекратились 28 декабря. Тогда нам сказали, что американская авиация не хочет подвергать риску русских, которые могли оказаться под ее бомбами. Нас атаковали русские, появившиеся ночью. Они убили четверых немецких наблюдателей, и мы поняли, что началась наша наземная война...



То есть, Вы оказались близко к передовой линии наступающей русской армии?

Именно так. Они вошли в одну из соседних деревень и обосновались на шпиле церкви, там, где раньше был наблюдательный пункт одной из наших танковых частей. Русские уничтожили четверых наблюдателей и оттуда стали наводить минометный огонь по нашему расположению. Один снаряд упал рядом мной, когда я нагнулся, чтобы подтащить ящик с ручными гранатами. Я низко наклонился, стоя в грязи, и тянул за собой этот ящик поближе к тому месту, где находился мой пулемет. В тот момент, когда я разогнулся, мина разорвалась немного выше меня на грунтовом валу. Осколок ударился о край моей каски...

На следующий день после этого я отправился в эту деревню, чтобы в перерыве между моими собственными служебными делами помочь одной польско-немецкой вдове (ее муж погиб под Сталинградом) с ее делами по хозяйству. Подходя к ее дому, я увидел группы немецких танкистов в черной униформе. Пушка одной из их бронемашин была нацелена на двухэтажный дом. Из двух окошек, расположенных сразу над подвалом, кто-то стрелял, но эти окошки были расположены слишком низко, чтобы подавить этот огонь из пушки. Двое танкистов сумели подползти поближе и заставили вражеских стрелков замолчать.

На мне была обычная серая форма *Люфтваффе*, на ней не было ремня, на ремне не было никакого оружия, на голове не было каски. Было очевидно, что в тот момент я был свободен от службы. Один из офицеров-танкистов приказал мне забраться в подвал через угловатую дыру, которая когда-то была боковым входом в подвал, и посмотреть, что там делается. Не знаю, кого мне стоило бояться больше, офицера или русского стрелка, который еще мог быть жив, но я влез туда, быстро окинул подвал взором и увидел, что в живых там никого нет. Выбираясь из подвала по развороченной деревянной лестнице, я наступил на человеческую руку, увешанную часами по локоть и выше. Через несколько секунд, уже в истерике, я помчался через улицу, но был пойман одним из танкистов, который сумел заставить меня рассказать ему, что я видел всего лишь один труп...

Вы по-прежнему находились в составе зенитной части?

О, да, мы оставались в ПВО. Нас могли вобрать в себя наземные войска, но вокруг нас их просто не было. Там была лишь небольшая танковая часть, которая вошла в наш сектор близ границы с Польшей, чтобы задержать наступление русских...



И Вашу часть отвели с фронта?

В ночь перед крупным русским наступлением (мы, молодежь, не знали о нем ничего) все, кто был на подхвате у *Люфтваффе*, в том числе мы, учащиеся старших классов, были отведены с фронта без объяснения причин. Нас усадили на большой танк, который и увез нас посреди ночи. Это был очень странный шаг. Нас вывезли, те, кто постарше, остался. Я отдал свой двустольный пулемет унтер-офицеру. Русские узнали об этом и обстреляли нас из пулеметов, но пострадавших не было. Мы добрались до небольшой деревни к западу от Мечнице, находившейся в двух-трех километрах от нашего расположения. Там мы провели ночь, после чего нас подобрали грузовики, ну а потом мы уже шли пешком. Мы добрались до предместья Праги, где нас демобилизовали. Полагаю, где-то в феврале 45-го нас отправили по домам.

Почему Вас демобилизовали?

Нас призвали в армию, каждого, кто достиг 15-летнего возраста к середине года, то есть, к июню. Меня не должны были призывать, потому что мой день рождения приходился на 17 июня. [Командованию] стало известно, что нас зачислили в вооруженные силы незаконно, потому что мы по возрасту не попадали под призыв. Так что нас демобилизовали, каждому вручили письменный приказ о необходимости явиться в военную комендатуру по месту жительства в день, когда исполнится 17 лет. Ни один из нас на тот момент не достиг этого возраста.

По этой причине нас отправили по домам, ну и еще из-за русских. Сталин издал приказ о том, что любой [солдат], не достигший призывного возраста и захваченный в плен, будет казнен. Они [русские] захватывали целые группы таких как мы в ходе наступления и расстреливали их. Итак, Гитлеру, по какой-то причине, кто-то посоветовал не подвергать опасности детей. Так сказали людям из моей батареи, моим друзьям и ребятам из других батарей, которые приняли участие в этом исходе.

Комментарий переводчика: Такого приказа никогда не было и массовых казней немецких подростков, зачисленных на военную службу в последний период войны, просто не было. Случалось, солдаты Советской и союзных армий расстреливали малолетних снайперов или фаустников: на войне как на войне... К сожалению, нацистские руководители в последние месяцы и недели войны нередко загоняли в воинские части подростков, заставляя их сражаться до последнего человека, как это было, например, при [обороне города Ашаффенбурга](#).

Что случилось с Вашей семьей во время войны?

Они были под бомбами Королевских ВВС в Берлине на протяжении двух лет, но им удалось избежать несчастий. В 1942 году в наш дом попали зажигательные, а в сентябре 43-го - тяжелые авиабомбы... В первый раз нацистская партия отремонтировала дом в течение недели и выделила нам новую мебель. После той первой атаки все было восстановлено. После второй атаки в сентябре 43-го наш дом в Шарлоттенбурге – зажиточном районе Берлина – оказался единственным на всю округу, который попали бомбы, и он был разрушен полностью.

После демобилизации у меня ушел месяц на то, чтобы найти мою семью. Я бродил по знакомым местам и, в конце концов, нашел их с помощью *Красного Креста*. Я отправился в деревню, где, предположительно, они находились, и обнаружил, что они живут в курятнике на одной из ферм. Для цыплят это было, наверное, прекрасным жилищем, как и для людей, которым больше негде было остановиться.

Как случилось, что Вы стали работать на британцев?

Одним утром – помню, что это было 20 апреля, потому что это был день рождения Гитлера, британцы подъехали на полугусеничных бронетранспортерах и грузовиках. Все они были без касок – это было впечатляющее зрелище. Эту массу людей, неожиданно появившуюся на сельской дороге надо было видеть! Все они улыбались, а потом стали бросать на землю напротив нашего дома всякую всячину. Моя мать очень боялась того, что эти продукты были отравлены, она что-то кричала. Люди стали выбегать и подбирать эти упаковки со странными надписями на них. На всех на них была надпись *Cadbury*. Само собой, это был товарный знак крупнейшего британского производителя сладостей. Когда мы поняли, что никакого яда в них нет, мы почувствовали себя вполне комфортно под этой оккупацией. Это была такая резкая перемена в психологическом плане – неожиданно осознать, что война, кажется, уже окончилась. Однако война еще продолжалась – дело было в апреле 1945-го.

На следующий день к нашему жилищу подъехал офицер на джипе, чтобы проинспектировать его. Мы встретили его у двери... Когда он ушел – сам не знаю, что вдруг нашло на меня – я побежал за ним, встал по стойке *смирно*, щелкнул каблуками и сказал по-английски настолько четко, насколько мог: «Могу ли я сделать что-нибудь для Вас, сэр?/Is there anything I can do for you, sir?» Он обернулся, схватил меня и мотнул в сторону, так как водитель джипа, как могло показаться, был уже готов пристрелить кого-нибудь из своего Стена (*автомата Sten – ВК*). После этого он сказал водителю первые английские слова, которые я тогда услышал: «Ты, идиот хренов, остановись!» Затем он спросило меня, хочу ли я работать на них. Я было потерял дар речи, но сказал: «Работать на вас? Что это значит?» Он ответил: «Ты вступишь в наши ряды, будешь повсюду ездить с нами в качестве переводчика?» Я так и сделал. До конца войны оставалось две недели...

Они спросило и меня, есть ли у меня какие-либо [семейные] связи с одной из стран, которая не находится в состоянии войны с союзниками. Я сказал: «Да, моя мать из Аргентины.» Ротный портной сделал мне плечевую нашивку *Republic of Argentina*, ну а потом я стал заниматься тем, что искал продукты и помещения для британцев, потому что они жили в палатках.

Я прослужил у них пару лет, мне платили жалованье. Жил я в замке, в Бельзене ([1](#), [2](#))/Belsen, где британские танкисты разместили свой штаб. В то время я не знал, каким страшным местом был Бельзен (*речь идет о расположенном рядом концлагере - ВК.*) Замок был очень красивым, он принадлежал старинному немецкому дворянскому роду. Находясь там, я не испытывал недостатка в чем-либо.



Город Зольтау/Soltau. Гюнтер Фогель (слева) рассказывает немецких детей по британским бронетранспортерам, которые должны отвезти их в расположение Хэмпширского Полка/Hampshire Regiment для знакомства с британскими солдатами и офицерами в День Дружбы/Fraternization Day

Когда Вам рассказывают о том, как плохо [союзники] обращались с немцами и как скучно они жили, потому что не было продуктов, воды и пр., о том, что жизнь у них была невыносимой, имейте в виду, что я этого не чувствовал. Я не голодал: я хорошо питался, потому что мне доставались британские рационы. Когда я уходил в увольнение – было это раз в месяц – я имел возможность взять с собой для своей семьи какую-то еду и сигареты, на которые они могли что-то выменять у фермеров. Так что благодаря моей работе моя семья жила совсем неплохо.

Позднее я жил в расположении Ланкаширского Полка/Lancashire Regiment, в части, входившей в корпус *Королевских Инженеров – Электриков и Механиков/Royal Electrical and Mechanical Engineers*. Затем я получил приказ отправляться в штаб *Королевского Танкового Корпуса/Royal Armoured Corps*, расположенный в Бергене/Bergen, замке Bredebeck. Я ничего не знал о том, что происходило в Бельзене, пока не прибыл туда.



Замок Bredebeck в Бергене

В чем заключались Ваши обязанности?

Моим страшим офицером был майор Голдсмит (Goldsmith). В мои обязанности входило поддержание связей с немецким персоналом, работавшим под началом британских офицеров, которые прибыли туда из различных частей британских оккупационных войск. Я сопровождал британских офицеров и чиновников во время поисков жилья для прибывающих военнослужащих, позднее присутствовал во время судебных слушаний в ходе диспутов между британскими военнослужащими и, по иронии судьбы, женщинами, которые стали беременными в результате контактов с солдатами оккупационных войск.

В свободное время, в выходные, я работал барменом и запоминал все, что касалось наклонностей некоторых офицеров. Они, как я говорил, были из разных частей, в том числе, из танковых.

Когда вы эмигрировали из Германии?

Это было на Рождество 1947 года, когда я получил документы об увольнении со службы от старшего офицера в Бельзене. Затем моя сестра Джуди и я сели на поезд, идущий из моей деревни в Гамбург, где мы пересели на поезд, идущий из Копенгагена в Париж или Амстердам. Так мы уехали в Голландию. Немцам не разрешалось покидать Германию, но

моя мать снова вышла замуж, на этот раз за американца, и он получил разрешение для нас на переезд в Голландию. Мы, моя сестра и я, пробыли в Амстердаме пару недель, пока за беженцами из Европы не прибыло судно. Оно заходило в Гамбург, где принимало пассажиров – *перемещенных лиц*, отправляющихся в Южную Америку и другие места, расположенные по пути.

Мы были, я полагаю, единственными немцами на борту этого судна. Из Амстердама мы отправились в Гамбург, где, по иронии судьбы, на его борт взошли моя тетя – сестра матери – и ее муж. Тетя родилась в Чили и исполняла обязанности чилийского консула (*proconsul*), так что я разрешили отбыть на этом судне для беженцев, причем не в третьем классе с остальными беднягами, а первом. Я и моя сестра оказались в третьем классе. Мы прибыли в Аргентину в феврале 1948 года, где остались на 10 лет.

Моя семья прибыла в Соединенные Штаты в сентябре 1958 года – в Майами из Буэнос-Айреса. Я уже был женат, имел двоих маленьких детей. Из Майами я отправился в Лос-Анжелес, где проработал 20 лет в качестве архитектора-проектировщика. Позднее я съездил в Орегон, огляделся, и мне там понравилось. В 1977 году я ушел на пенсию и переехал в этот штат.

Эпилог



В 2010 году Гюнтер Фогель наткнулся на заметку в местной газете, в которой рассказывалось о лейтенанте Роланде Стронге (Roland Strong, на фото слева), который когда-то служил в 505-й Истребительной Эскадрилье ВВС США, летал на *Мустанге* и был сбит над Германией 4 августа 1944 года. В своих послевоенных воспоминаниях Стронг написал о том, как правое крыло и двигатель его *P-51* были повреждены вражеским огнем во время авианалета где-то неподалеку от Гамбурга. Он сумел пролететь еще примерно 80 миль, прежде чем уже близ побережья Северного моря заглох его двигатель. Стронг сумел выброситься с парашютом, был схвачен и провел в плену последние девять месяцев войны,

Фогель, к своему изумлению, выяснил, что Стронг жил неподалеку – в городке Бэндон/Vandon в том же штате. Он раздобыл телефонный номер семьи Стронги решил позвонить им, однако при этом немного нервничал. Вот что он рассказал: «Когда звонишь таким людям, как ты собираешься заговорить с ними: «Я сбил одного из членов вашей семьи. Не могли бы вы рассказать мне о нем?» Как с этим справиться? Я боролся с самим собой. Как мне было связаться с ними и рассказать о том, что случилось с их любимым человеком? При это я думал, что его уже нет в живых.»

При разговоре о газетной статье ответившая на звонок женщина сказала, что она не только главный редактор этой газеты, но и невестка Роланда Стронга. Она рассказала, что он вернулся домой после войны, создал семью, трудился докером в городке Кус Бэй/Coos Bay, в штате Орегон и умер в 1974 году. Она добавила, что знала о том, что он был сбит над Германией, но не знала подробностей этого происшествия. У Стронга было трое сыновей, и все они жили неподалеку. Позднее Фогель узнал, что даже работал вместе с одним из них. Его пригласили посетить семью Стронга и дали возможность ознакомиться с его личными бумагами – дневником, который он вел, находясь в лагере для военнопленных.

Фогель позднее говорил о том, что он долгие годы хотел узнать о том, что случилось с пилотом самолета, который он сбил, и с огромным облегчением услышал о том, что тот выжил...

<https://warfarehistorynetwork.com/article/flak-gunner-for-the-luftwaffe/>

https://theworldlink.com/bandon/news/a-tale-of-two-veterans/article_159e9f7e-3056-11e2-9e81-0019bb2963f4.html

Перевод и компиляция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org